

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-697-712>

Научная статья / Research Article

Фанатизм как тип ментальности в трудах Габриэля Марселя и Карен Армстронг

Ф.И. Гусейнов

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36
Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана,
Российская Федерация, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, с. 1
 metafizika@mail.ru

Аннотация. Рассматривается фанатический тип ментальности в его светских и религиозных формах на основе анализа трудов Габриэля Марселя и Карен Армстронг. Истоки феномена фанатизма обнаруживаются в базовых основах культуры Нового времени как времени замещения логосом мифа (Армстронг) и господства абстрактного духа (Марсель). Предпринятое французским философом и британским религиоведом осмысление оснований фанатизма как широкого феномена связывается с интерпретациями понятия трансцендентного. Хотя социально-духовная ситуация, в которой работают Марсель и Армстронг, различна, их выводы в целом совпадают и становятся особенно актуальными сегодня, когда мир оказался на грани новой мировой войны. Кратко сформулированы определения некоторых базовых категорий философии Г. Марселя — «философский опыт», «первая рефлексия», «вторая рефлексия», «фанатизированное сознание», «диспонибельность», «абстракция», «абстрактный дух», «коллективное насилие», «собственность», «бытие», «идеолог», «интерсубъективность», «идентичность» и др. Обсуждается рефлексия Габриэля Марселя в отношении принципиального отличия истинно верующего и религиозного фанатика, при том, что и там, и там речь ведется от имени абсолютных ценностей. Воля к отказу от «постановки под вопрос» объекта своей веры предполагает невосприимчивость к аргументам критического мышления, которое по определению призвано было бы выступать своего рода противоядием для фанатизма как особого типа радикального сознания. Основой фанатизма оказывается нечувствительность к тому, что является идефикс фанатика, при этом современные фанатики, в отличие от обыденного о них представления, зачастую являются хорошо образованными людьми. Это децентрированное сознание, в котором господствует «отелесненная мысль». Такая идея может именоваться идеей равенства или справедливости, но собственно мыслью, рождающейся из пережитого опыта и сочувствия к людям, не является.

Ключевые слова: фанатизм, ментальность, идентификация, миф, логос, абстрактный дух, диспонибельность, Новое время

© Гусейнов Ф.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 17.04.2022

Статья принята к публикации 22.05.2022

Для цитирования: Гусейнов Ф. И. Фанатизм как тип ментальности в трудах Габриэля Марселя и Карен Армстронг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 3. С. 697—712. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-697-712>

Fanaticism as a Type of Mentality in the Works of Gabriel Marcel and Karen Armstrong

Farid I. Guseynov

Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation
Bauman Moscow State Technical University,
5/1, 2nd Baumanskaya street, Moscow, 105005, Russian Federation
metafizika@mail.ru

Abstract. The author examines the fanatical type of mentality in its secular and religious forms based on the analysis of the works of Gabriel Marcel and Karen Armstrong. The origins of the phenomenon of fanaticism are found in the basic foundations of Modern culture as the time of the replacement of myth by logos (Armstrong) and the domination of the abstract spirit (Marcel). The understanding of the foundations of fanaticism as a broad phenomenon undertaken by the French philosopher and the British religious scholar is associated with interpretations of the concept of the transcendent. Although the socio-spiritual situation in which Marcel and Armstrong work is different, their conclusions generally coincide and become especially relevant today, when the world is on the verge of a new world war. The author briefly formulates definitions of some basic categories of G. Marcel's philosophy — "philosophical experience", "first reflection", "second reflection", "fanaticized consciousness", "disparity", "abstraction", "abstract spirit", "collective violence", "property", "being", "ideologue", "intersubjectivity", "identity", etc. Gabriel Marcel's reflection on the fundamental difference between a true believer and a religious fanatic is discussed, despite the fact that both are spoken on behalf of absolute values. The will to refuse to "question" the object of one's faith presupposes immunity to the arguments of critical thinking, which by definition would be intended to act as a kind of antidote to fanaticism as a special type of radical consciousness. The basis of fanaticism turns out to be insensitivity to what is the fanatic's idex, while modern fanatics, in contrast to the ordinary idea of them, are often well-educated people. This is a decentered consciousness dominated by "carnal thought". Such an idea may be called the idea of equality or justice, but it is not actually a thought born from experience and sympathy for people.

Keywords: fanaticism, mentality, identification, myth, logos, abstract spirit, availability, Modern Time

Article history:

The article was submitted on 17.04.2022

The article was accepted on 22.05.2022

For citation: Guseynov FI. Fanaticism as a type of mentality in the works of Gabriel Marcel and Karen Armstrong. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;26(3):697—712. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-697-712>

Введение

Работы французского католического драматурга и философа-экзистенциалиста Габриэля Марселя (1889—1973), к середине XX в. ставшие популярными в среде образованных людей, в профессиональной среде выглядели маргинальными несмотря на то, что его диагноз нашему времени был близок выводам Карла Ясперса, Романо Гвардини и других выдающихся мыслителей эпохи. Это произошло, кроме всего прочего, и потому, что в западноевропейских настроениях того времени развивалась атеистическая версия экзистенциализма, которая была «громче» христианской его версии, и доминировала левая политическая ориентация, а всякий традиционализм интеллектуалы были склонны считать ретроградством. К тому же Марсель — несистематический философ, и его взгляды трудно уложить в прокрустово ложе строгой концепции. В связи с тем, что, анализируя тоталитарные общества, Марсель через запятую упоминал нацизм и сталинизм, почти отождествляя их по типу социума (что, конечно, не только несправедливо, но и ошибочно), эти труды переводились на русский язык поздно. Первая переведенная В.В. Бибихиным статья «В защиту трагической мудрости и за ее пределы» вышла в 1988 г., две новые книги были изданы в России в 1990-е гг., остальные работы стали доступны на русском уже в XXI веке. Все это послужило причиной недостаточной освоенности его идей отечественной философской мыслью. Однако сегодня они выглядят все так же актуально, если не более актуально, чем в эпоху их формулирования; в частности, это касается и анализа такого особого типа сознания, как сознание фанатиков, или, по слову Марселя фанатизированного сознания.

Франкоязычные источники склонны связывать понятие фанатизма с терроризмом, который сформировал повестку дня уже после кончины Г. Марселя. Так, французский философ Андре Конт-Спонвиль (род. 1952) в своем «Философском словаре», написанном в стиле словарей Вольтера и Алена, размышляя на данную тему, приводит несколько определений фанатизма. Сначала дефиницию Алена — под этим псевдонимом, как известно, писал философ Эмиль-Огюст Шартье (1868—1951), который определял фанатизм как «опасную любовь к истине» [1. С. 658]. Конт-Спонвиль, продолжая эту мысль Алена, объясняет, в чем заключается опасность: «Фанатик любит только свою истину. Фанатизм есть исполненный ненависти и готовый к насилию догматизм, слишком уверенный в себе и своей вере, чтобы проявить терпение к убеждениям других. Логическим завершением фанатизма является терроризм» [1. С. 658]. Затем, указывая на смыкание фанатизма с извращенным энтузиазмом и верой, доведенной до болезненной степени, Конт-Спонвиль приводит мысли Вольтера о соотношении фанатизма и суеверия. Вольтер утверждал, что связь фанатизма и суеверия такова же, какова связь

инфекции и лихорадки, бешенства и гнева. Впадающий в экстаз принимает свои фантазии за реальность. Фанатик — тот, кто готов ради своих безумных идей на убийство. При этом, развивает эту мысль Конт-Спонвиль, фанатик принимает свою слабость за силу. Сегодня вполне очевидно, что трактовка фанатизированного сознания просто как ошибочного, метафоры болезни и извращенности в данном случае дело проясняют недостаточно.

В англоязычной литературе тема фанатизированного сознания также обсуждается с разной глубиной анализа — и прежде всего в связи с ее реактуализацией ввиду массового распространения феномена терроризма. Так, исследователь Томас Линн, написавший на эту тему статью о Марселе, понимает фанатизированное сознание как ложное, как тупик на пути к истине [2]. Он обращает внимание на связь этого феномена с массовым человеком и массовым обществом, с необходимостью различения, как на это указывал Марсель, проблемы и тайны, однако отсутствует компаративный подход, не отмечена генетическая связь фанатизированного сознания и культуры Модерна, не указано то коренное обстоятельство, что фанатизм связан с естественным стремлением человека к самоидентификации, реализация которого оказалась крайне затруднена в современных условиях. Изложение взглядов французского философа при этом ведется Томасом Линном лишь по одному источнику — «Люди против человеческого».

В статье норвежского исследователя Рико Снеллера [3] представлен более фундаментальный подход к теме. Снеллер показывает, что сознание террористов-смертников и фанатиков — не одно и то же, но оба типа сознания при кажущейся полной отвергаемостью врага от него неотрывны, т.е. происходит отвержение и одновременно принятие другого, и это может быть связано с неустранимой структурой интересубъективности. «Дух абстракции» у Марселя, как точно подмечает автор, характерен для Модерна: все рассматривается как объект, игнорируются особенности рассматриваемого, отсюда — функциональный подход к человеку: он не обладает собственной ценностью, но лишь прагматической. Террористическое сознание исламских смертников и популизм Снеллер рассматривает как антиплюрализм — порождение технологического века. Так, террористов-смертников Снеллер называет «пасынками эпохи Просвещения», а их сознание — разновидностью манихейства. Идея о том, что фанатичное сознание в широком смысле слова порождено самой парадигмой культуры Нового времени, оказывается общей для целого ряда исследователей, в т. ч. для Карен Армстронг, о работах которой речь пойдет далее. Однако, как мы полагаем, принятый на Западе культ плюрализма не может быть критерием правильного демократического развития общества, ибо существует некая мера разнообразия, радикальное нарушение которой ведет к коллапсу социального целого, о чем слишком часто забывают.

Впрочем, обзор всех источников по теме фанатизированного сознания в интерпретации Марселя не входит в задачи данной статьи. Предлагается компаративный подход в отношении двух авторов — разных философских

национальных традиций и разных эпох, посредством чего выясняется достоверность принципиально важных выводов. При анализе темы фанатизированного сознания у Марселя оказывается плодотворным сопоставить с марселевскими взглядами интерпретацию фундаменталистского фанатического сознания британской исследовательницей, религиоведом и философом Карен Армстронг (род. 1944). В качестве основы анализа выбраны работы Марселя «Быть и иметь» (1935), «Опыт конкретной философии» (впервые издана в 1940 году под названием «От отказа к призыву»), «Люди против человеческого» (1951) и Армстронг «Битва за Бога» (2000), ставшая настоящим бестселлером после 9 сентября 2001 года.

Если оценивать творение по правилам автора, им самим для себя установленным, то в соответствии с законами изучения истории идей, предложенными Г. Марселем, не следует выстраивать «лестницу» из философов, при которой более поздние мыслители стоят выше, чем более ранние, а необходимо всякий раз выяснять духовную ситуацию с ее потребностями, порождающую те или иные идеи (и отличную от фундаментальной ситуации человека [4. С. 31, 35, 38, 90, 98, 171 и др.], преломляющиеся через философский опыт автора¹. Нельзя жертвовать философией ради истории философии, подаваемой как смена одних философских систем другими, более прогрессивными, нельзя жертвовать идеями ради истории идей, всякий раз как бы сгорающих в крематории с появлением новых идей.

Сравним социально-духовную ситуацию середины и конца XX века. Это исторически различные духовные ситуации. Марсель сначала чувствует надвигающуюся грозу («Быть и иметь», «Опыт конкретной философии»), позже — потрясен ужасами Второй мировой войны и продолжающего существовать после нее в той или иной форме тоталитаризма с его техниками унижения и уничтожения человека, грозящего ввергнуть человечество в глобальное самоубийство («Люди против человеческого», пьеса «Рим больше не в Риме»).

Марсель всегда подчеркивал наличие фундаментальной связи между своей драматургией и философией. Для лучшего прояснения темы фанатизма в интерпретации мыслителя обратимся к его пьесе «Рим больше не в Риме» (1951). Премьера спектакля, поставленного режиссером Жаном Вернье, состоялась 19 апреля 1951 года в парижском театре Эберто. Там же 18 мая 1951 года на специальной конференции Марсель прочитал лекцию, в которой высказал несколько авторских комментариев к постановке пьесы и ответил театральным критикам.

¹ Философский опыт сравнивается Марселем с ожогом или укусом, способность к его переживанию сродни музыкальному слуху и являет собой двухступенчатую рефлексию — над материалом окружающего как материалом (первая рефлексия, аналитическая стадия) и восхождение к единению в трансцендентном (вторая рефлексия, синтетическая стадия). См.: [5. С. 52; 6. С. 245—246].

В сюжете рассказывается об эмиграции французского интеллектуала Паскаля Ломьера, который, опасаясь вторжения советских войск, бежал из Франции в Бразилию. Выбрав путь эмиграции, он попадает в ситуацию, когда работа в университете ему будет предоставлена при условии его активного участия в борьбе с коммунизмом, но он от нее в дальнейшем отказался. В современном мире, говорит Марсель, фанатизм возбуждает контрфанатизм: «Когда Паскаль говорит, что попал в засаду, это истинная правда» [7. Р. 163]. Если он будет верен себе, университет закроет перед ним двери, если он согласится с условием, он изменит себе — и как выжить в такой ситуации? Другой персонаж пьесы, падре Рикардо, озабоченный проблемой личной безопасности и встав на сторону одной из конфликтующих партий, выбирает измену вселенской природе Церкви. Таким образом, фанатизм есть позиция, которая может иметь различные формы, как ложно понятого религиозного долга, так и светского, политического, как физического насилия, так и морального. Марсель выступает против философии имманентности и указывает, что необходимо разоблачать всевозможные формы идолопоклонства — идолопоклонство расы, идолопоклонство класса и, в том числе, религии: «Я добавлю, — говорит Марсель — что даже религии, которые являются аутентичными в своих принципах, рискуют выродиться в идолопоклонство там, где их развращает воля к власти, и это, увы, имеет тенденцию происходить всякий раз, когда Церковь оказывается наделенной временной властью (*la puissance temporelle*)» [7. Р. 172]. Следовательно, очень важно уточнить смысл термина «трансцендентность». Этот «единственный действительный смысл, который мы можем придать термину трансцендентность, для нас, жителей Запада, — продолжает Марсель, — заключается в христианстве, и только в нем» [7. Р. 172]. Но при одном-единственном существенном условии, что сохраняется «верность духу всеобщности (*l'esprit d'universalité*), который является основным его принципом» [7. Р. 172]. Однако из этой ситуации трагической дилеммы, лишения Паскаль Ломьер только и может восходить к Господу по дарованной людям благодати.

Фанатизированное сознание

Темы религиозного фанатизма в своих философских работах Марсель касается несколько раз, утверждая, что в основе тоталитарных обществ лежит ложная религия, а некоторые конфессии могут доходить до крайностей, но это именно извращение, подмена истинной религии поклонением идолам вместо Бога.

Армстронг в конце XX столетия озабочена нарастанием роли и объема фундаментализма в мире, прослеживая его развитие от традиционализма к экстремальным формам — религиозному терроризму — в иудаизме, христианстве и мусульманстве. Однако анализируемый обоими мыслителями тип ментальности один и тот же.

Марсель отмечает, что с раннего возраста почувствовал разрушительность фанатизма — речь в данном случае идет о «фанатизме идеи равенства», который к нашей теме имеет достаточно косвенное отношение, однако можно понять, что мыслителю претит абсолютизация этой идеи и вознесение ее на вершину иерархии общественных идей с забвением всех прочих, в то время как в реальности Французской революции, в связи с чтением о которой у Марселя возникли подобные чувства, совершались чудовищные коллективные преступления.

Ключевую роль в философии Марселя играет понятие «диспонибельность» (*disponibilité*), которое не имеет краткого и прямого перевода на русский язык, оно сквозным образом проходит, например, через весь текст работы Марселя «Быть и иметь» [см.: 5. С. 31]. В примерном приближении диспонибельность — это открытость, доступность, готовность ответить на призыв другого и, как пишет переводчик и комментатор трудов Марселя В.П. Визгин, «отвечая на него “творческой верностью”, выбрать себя самого» [5. С. 215]. Противоположное ему — понятие недиспонибельности, индиспонибельности (*être indisponible*) тоже труднопереводимое, означает замкнутость на себе самом, на своей группе, партии, классе при центрированности не на самом предмете, а на собственном отношении к нему. Индиспонибельность, по Марселю, принадлежит к миру вещей, насилия, смерти и является основой фанатизма.

С точки зрения философа, абстракция и коллективное насилие связаны самым тесным образом: одно воссоздает другое и наоборот [4. С. 25]. Дело в том, что «основать мир на абстракциях нельзя», зато уничтожить его духом абстракции можно [4. С. 25]. Только конкретное как универсальное и живое представляет экзистенцию и онтологическую потребность, абстрактное — смерть и разложение.

Эту тему Марсель начинает еще в довоенных книгах. Именно культ *ratio*, «абстрактный дух», характерный для эпохи Модерна, когда абсолютизируется какая-то одна идея или комплекс идей, окаменевающая и становясь недостижимыми для критики, опытной проверки или просто сомнения, и когда все остальное — живая жизнь, прочие идеи, сам человек и его бытие — приносится в жертву и «мертвый хватает живого» — вот эта ситуация и порождает фанатизм. Собственность, отношения собственности поглощают человека и характеризуют объектно-субъектный мир. И если к своим идеям и убеждениям я отношусь как к собственности, застреваю в них, гордясь ими, как конюшней или оранжереей, куда не вкладываю оживляющего мертвую собственность личного творчества, тут-то и выявляется опасность фанатического сознания и «тем больше эти идеи стремятся оказывать на меня тираническое влияние; здесь-то и заложена основа фанатизма во всех его формах» [8. С. 145]. Это — «сделка» между человеком и вещью, при которой человек уступает обладанию свое бытие. И тут же Марсель проводит различие идеолога, с одной стороны, и мыслителя, с другой: «Идеолог — это один из

самых опасных человеческих типов, ибо он, сам не сознавая того, становится рабом умерщвленной части его самого; и это рабство неизбежно стремится внешне превратиться в тиранию. ...Мыслитель, напротив, постоянно остерегается этой сделки, этой возможной окаменелости своей мысли; он постоянно находится в процессе творчества» [8. С. 145].

Мир вступил в эпоху массовой культуры, что было зафиксировано Ф. Ницше и Ортегой-и-Гассетом. А «массы — это деградированная человечность, деградированное состояние человеческого. ...Везде вне личностного уровня имеет место лишь дрессировка. Поэтому... мы должны установить такой режим, который избавляет максимально большое количество людей от этого состояния униженности или отчуждения. Такое состояние человеческого выражается в том, что массы сущностным образом склонны к фанатизму; пропаганда воздействует на них подобно электрическому току, поддерживая в них не жизнь, а лишь ее видимость, проявляющуюся, в частности, в мятежах и революциях. Не знаю, формулировалась ли уже такая закономерность, но в этих событиях является вполне нормальным, что в них вовлекаются и руководят ими отбросы населения» [4. С. 29].

Столь безапелляционное мнение относительно революционеров как «отбросов общества» крайне сомнительно, если не сказать больше, ибо мы знаем немалое количество революционеров — субъективно людей безупречной нравственности, хотя, конечно, отрицать то обстоятельство, что на гребне переломных моментов в жизни социума на поверхность всплывает «пена», самые разные маргинальные субъекты, невозможно. Заметим, однако, что, таким образом, речь идет о необходимости смены режима, однако не революционным, а, видимо, эволюционным путем. Марсель констатирует, что в середине XX века человечество живет в тоталитарных обществах или окружено ими, эти тенденции, как ему видится, вызревают во всех обществах. Фанатизированным сознанием отмечены и нацизм, и сталинизм, и антисталинизм; также могут фанатизироваться и демократии, и религии.

Почему же массы склонны к фанатизму?

Дело в том, полагает Марсель, что это люди, отказавшиеся от свободы и нашедшие прибежище в том, чтобы быть как все, в слиянии с другими вплоть до отождествления. Жажда общности в идентификации с большими группами людей — нормальная потребность человека. Но, как мы знаем, когда место иерархии в социуме занимает гомогенность, как сказал бы канадский философ М. Маклюэн, когда высокое уравнивается с низким, тогда побеждает низкое. Человек-масса отказывается от своеобразия, от своей индивидуальности и не признает за другими права на их особенности, именно так он себя идентифицирует. Поэтому фанатизм — зло. Фанатизм — это «рабство у слов» (Жюль Ланьо), и обязанность философа, говорит Марсель, — бороться с ним, в каких бы формах он ни выступал [4. С. 93]. Долг мыслителя — отказ от подобного рабства, но это метафизическая проблема, поскольку связана с языком, а Хайдеггер недаром назвал его домом бытия. Постигание смысла

слов ведет к постижению сущности явлений (и тут совершенно неожиданно — вероятно, через Платона и древние магические представления об имени, согласно которым имя — слово, обозначающее — самым тесным образом связано с реалиями, обозначаемым, так что искажение имени-слова ведет к искажению реалий, и наоборот — может быть прослежены переключки с инокультурной — конфуцианской — концепцией «исправления имен»). При этом сущности, полагает Марсель, должны быть осмыслены заново исходя из примата intersубъективности [4. С. 94]. Intersубъективность — принцип открытости, «прилив бытия» [9. С. 165], носителем которого может быть даже улыбка или жест, но который возводит людей к единству в трансцендентном, это понятие и реалии совместного радостного существования людей не на основах «животного эгоизма», а в единстве при сохранении уникальной ценности каждого.

Сознание, по Гуссерлю, напоминает Марсель, — всегда «сознание к» (направленное на что-то, к чему-то), поэтому надо «показать, в чем же состоит искажение, выражаемое в интенциональности, связанной с фанатизированным сознанием» [4. С. 106].

Факт фанатичности может быть констатирован только извне, изнутри же фанатик никогда не признает себя фанатиком. И в самом деле, быть может, это такая горячая сила веры, последовательно проведенная до конца и не остающаяся лишь словами, а воплощаемая на деле? Действительно, это трудно диагностировать, замечает Марсель, тут нелегко избежать субъективности в оценках.

Антиномия и антиномианизм

Меж тем Карен Армстронг в своей книге «Битва за Бога» пишет, что это так и есть: в протесте против современного мироустройства, отказавшегося от трансцендентного и унижающего святых, религиозные фанатики, по существу, вполне последовательны и честны, хотя зачастую эти движения имеют антиномиастический характер, т.е. в них осознанно под разными предлогами нарушаются священные нормы [10. С. 10].

Антиномианизм в религии — система взглядов, отрицающая, что Божий закон должен непосредственно направлять жизнь адепта (в мирской жизни обывателя расхождение между словом и делом — вообще обычная вещь). Одни считают, что Богу безразлично все, связанное с человеческим телом (и адепты светского культа партии или лидера убеждены, что главное — верить «в душе»). Другие полагают, что все грехи людей наперед искуплены Богочеловеком (или взяты на себя лидером, любым «великим инквизитором»). Третьи уповают на безграничную Божию милость и всепрощение, ставя свободу превыше Закона и правил (в светской транслитерации «мы — люди маленькие, но гордые»). Что касается христианского и околохристианского антиномианизма, то последователи гностицизма, от которого так долго освобождалась молодая религия, были убеждены в том, что спасение

ождается лишь для души, а все телесное и поведенческое, пусть и порочное, со здоровьем души не связано и Господу не важно. Доходили до того убеждения, что, дабы узнать, как следует жить, изучать Закон и вовсе не требуется, ибо Дух Святой и без Закона пронизывает человеческие побуждения. И такая свобода от Закона понимается нередко как отрицание закона как норм поведения вообще. Эта разновидность антиномианизма господствовала на протяжении первых полутора веков Реформации.

Иной вид антиномианизма в качестве своей основы имеет убеждение, что верующие уже искуплены Спасителем, Который исполнил Закон за них, а потому Господь человеческих грехов не засчитывает, дела не имеют значения при условии, что сохраняется вера.

«Диспенсационный антиномианизм (от английского слова «диспенсейшн», означающего освобождение от обязанности соблюдать какое-либо правило) придерживается взгляда, что соблюдение нравственного закона не представляет для христиан какой-либо необходимости, поскольку они живут не под законом, но, напротив, освобождены от закона благодатью. ...Ситуационный антиномианизм заявляет, что если мотивацией и движущей силой поступков является любовь, то это все, чего Бог требует от христиан, а повеления Десяти заповедей и других этических частей Писания, включая предписанные Самим Богом, являются не более чем правилами любви, которыми любовь может в любой момент пренебречь» [11]. Антиномианистические воззрения встречаются в разных религиях и представляют собой вольные интерпретации догматов.

Интересно, что если применить тут критерий Марселя, то будет очевидно, что всякий раз оправданием разных бесчинных отступлений от предписываемых догматами норм оказывается именно абстракция — выхватывание из группы положений веры какого-то одного из них и приписывание ему значения верховного принципа (это может быть, как мы видели выше, свобода, дух, благодать, любовь и пр.). Такая операция становится возможной особенно для морального сознания обывателя, человека-массы, поскольку оно не способно ухватить особую логику высокоразвитых религиозных учений, которую понимают отцы церкви или тонкие толкователи священных книг — ее часто, в отличие от аристотелевой логики, называют антиномичной логикой (не путать с антиномианизмом!). Так, в христианстве такими антиномиями, которые нельзя понять с точки зрения формальной логики, являются учение о вечных муках в аду для грешников и всепрощение Бога, о Его всемилостивости и о наказаниях от Него людям, идея о Боге как Личности и о Его трансцендентности и т. д. Собственно, любая сложная система идей представляет собой подобную трудность для понимания. Однако массовое сознание таким образом мыслить не может, и в результате производимой им вульгаризации сложной системы она способна превращаться в фанатизированную систему идей с разрешением преступать все нормы даже этой системы ради достижения одной нормы и цели, признанной высшей.

Антиномианизм фундаменталистов, как и фанатиков вообще, — интересная тема, требующая отдельного разбора, который мы не можем себе позволить в рамках настоящей статьи, ограничившись лишь приведенными соображениями.

Марсель же указывает, что фанатизм имеет религиозный характер, однако тут следует различать истинную религию и религию ложную, а это фундаментальное различие: «Мы должны будем признать, что истинная религия не может быть фанатизирующей и, наоборот, там, где наличествует сила, приводящая к фанатизму, имеет место радикальное извращение религии» [4. С. 107].

По Марселю, фанатик не бывает одиночкой: у него всегда доминирует коллективное сознание «мы», «наши», «братья» — в противоположность «им», «чужим», «врагам». За этим «мы» фанатика действительно может стоять как реальная организация, так и «воображаемое мы» вполне мифологического свойства [4. С. 107—108]. Иными словами, фанатизм — это идентичность, взятая в абстрактном духе, или, короче, фанатизированное сознание тождественно абстрактному духу, есть одно из проявлений абстрактного духа.

Для группы фанатиков характерно наличие индивида-вектора как центра притяжения [4. С. 108]. Если он умирает или его убивают, он может стать сакральной жертвой («обожествленной тенью», по слову Марселя) и обрести еще большую силу, а вот его предательство наносит мощный удар по фанатизированному сознанию.

В основе фанатизма, говорит Марсель, лежит чувство незащищенности, отчего люди переживают страх и впадают в агрессию, а потому происходит отказ от сомнения, от «постановки под вопрос», и тут позиции французского философа сближаются с точкой зрения британского религиоведа.

Но ведь и верующему нельзя сомневаться в основах веры, здесь сомнение трактуется как искушение, пишет Марсель. И снова встает вопрос: как отличить одно от другого? Когда сомнение допустимо, а когда оно неоправданно? Для философа-католика это вопрос непростой, как и для британского религиоведа ирландского происхождения, которая семь лет провела в католическом ордене, стала монахиней, но потом ушла в мирскую жизнь. Марсель поясняет, что «воля к отказу от вопрошания оправдана только в том случае, если она соотнесена с абсолютной трансценденцией объекта веры, или, более точно, именно эта трансценденция и сообщает объекту веры единственную основу его реальной значимости» [4. С. 110]. Это то, что всегда неизмеримо глубже и полнее нас, превосходит нас. Но если мы признали существование такой реальности, то уже сомнение в этом себе запрещаем, поскольку такая постановка под вопрос означала бы отказ от этого базового утверждения. Но «если этого бесконечного Бога мы замечаем каким бы то ни было идолом, то подобная постановка под вопрос уже не будет незаконной. Напротив, она предстает как долг нашей интеллектуальной честности» [4. С. 111].

Иными словами, дело в различении Бога и идола. Но именно этот-то вопрос, заметим мы, в рамках той или иной веры неразрешим.

В особенности, говорит Марсель, опасность фанатизации сознания возрастает при признании посредников между человеком и Богом в виде церкви, священников, пророков и наделении их абсолютной сакральностью наравне с Богом.

Противоядием от фанатизма является, полагает французский мыслитель, критический дух, но именно он-то и угашается в современном мире. Самому Марселю, по-видимому, позволил сохранить критический дух его поздний приход к религии, а Армстронг его обрела, пройдя через телесные и душевные страдания и унижения в монастыре.

Примечательно, что Марсель подчеркивает: основой фанатизма не являются ни глупость, ни невежество. Напротив, именно современные образованные люди часто и тонут в фанатизме.

Фанатик отличается патологической нечувствительностью к тому, что не является его идефикс. Тут Марсель приводит пример: если сталинисту говорить о несправедливых репрессиях в его стране, он ответит, что это тяжкая необходимость и т. п., но такой ответ, полагает философ, есть уход от ответа. Подобное состояние ментальности он называет «столбнякизацией сознания» [4. С. 113], расфокусированным, децентрированным сознанием массового человека, и идея децентрированного сознания далее будет развиваться у философов эпохи постмодернизма.

Фанатизированное сознание создает и собственное место притяжения. У человека обычно существует некий набор теплых связей с миром, который ему необходим как человеку. Сегодня же человек все больше атомизируется, связей у него может быть много, но тесных, интимных, значимых для него как человека связей становится все меньше. И они замещаются мифическими очагами притяжения – вроде идеализированного СССР для французских коммунистов, пишет Марсель, или бесклассового общества для большевиков.

Однако следует помнить, заметим мы, что у самых разных народов в разные эпохи обычно всегда был свой Град Китеж, как бы он ни назывался.

Да, подтверждает Марсель, но именно вокруг такого центра создается свой фанатизм, называется ли он Римом или Меккой, и связь между сознанием и подобным мнимым фокусом является «столбнякизирующей» [4. С. 114]. Отсюда — стремление уничтожить то и того, что и кто противостоит этой претензии на исключительное место.

Фанатик, считает Марсель существует вне пространства мысли: «...фанатик на уровень мысли, или того, чем должна быть мысль, переносит строго телесные жесты; и я полагаю, что именно только отелесненная мысль является фанатической» [4. С. 115].

Фанатизм — это всегда нечувствие к мысли, диалогу, альтернативности. Даже если фанатик ставит своей целью объединение людей, он их способен только разделять, а поскольку участвовать в подобном разделении он не хочет, ему остается лишь желать уничтожения своих оппонентов. При том в

качестве оправдательного мотива такого желания выдается сниженный, обезчеловеченный образ врага, который создается фанатиком именно с этими целями. Другие — только преграда, которую надо опрокинуть, поскольку, перестав относиться к себе как к мыслящему существу, фанатик не признает такого достоинства и за другими. Для этого вырабатываются особые техники унижения [4. С. 116], унижения морального и физического, применявшиеся нацистами и сталинистами. Эти техники унижения основаны на отказе от истины и справедливости, которые нераздельны. Тут нельзя не заметить, что это очень «русская» постановка вопроса — именно в русле русской философской мысли дебатировался вопрос о правде-истине и правде-справедливости (Н.К. Михайловский, Н.А. Бердяев и др.).

Справедливость, указывает философ, возможна лишь там, где уважается истина, что значит «хранить открытыми все те пути, нередко с трудом поддерживаемые, посредством которых мы можем надеяться, я не скажу достичь справедливости, но, по крайней мере, приблизиться к ней» [4. С. 116].

Не все мнения стоят друг друга, убежден Марсель, но релятивизма в таком подходе нет. Релятивизм, напротив, готовит почву для фанатизма. Чем острее проблемы, тем чаще у многих возникает ощущение тупика и тем больше агрессивности и фанатизма.

Из предшествующего изложения мысли Марселя очевидно, что семена гибели философско-цивилизационной парадигмы Нового времени он видит в самой этой парадигме. Это вполне согласуется с мнением Карен Армстронг, которая хоть и поет целый гимн эпохе Нового времени [10. С. 86], видит коренной порок новоевропейской культуры в том, что она заменила миф логосом. Разделение истории общественного сознания на мифологическое (дологическое, пралогическое) и логическое (рациональное) восходит по крайней мере к научной мысли конца XIX — начала XX вв., но Армстронг ближе учение датского философа Йоханнеса Слёка (1916—2001). Говоря о людях древнего прошлого, она указывает, что в их мышлении, речи и формах познания существовали два подхода — миф и логос. Оба были необходимы и работали взаимодополнительно. Тут потребуется обширная выписка. «Первичным считался миф, как связанный с вневременными и постоянными составляющими нашего существования. Миф обращен к истокам жизни, к основам культуры и к глубочайшим слоям человеческого сознания... не связан с практическим применением, только со значениями и смыслом. Кроме того, миф уходил корнями в то, что мы сейчас называем бессознательным. ... Миф нельзя доказать рациональными средствами, его озарения интуитивны, как у живописи, музыки, поэзии или скульптуры. Миф становится реальностью, только когда он воплощен в культе... Без культа или мистических практик религиозный миф... становится пустой абстракцией — как нотная запись, которая для большинства из нас раскрывает свою красоту лишь в инструментальном исполнении, а на бумаге остается непонятной» [10. С. 16—17]. Собственно человеческие смыслы и значения — производные мифа.

Логос же имел прагматическое значение, на его основе возникло научное мышление, с его помощью люди ориентировались в окружающем мире. Логос основан на фактах, специфическом способе их обобщения с помощью рациональных правил вывода.

В древности, полагает Армстронг, одинаково высоко ценился и миф, и логос, но к XVIII веку европейцы и американцы, достигнув небывалых успехов в науке и развитии технологий, возгордились так, что логосу приписали значение единственно верного пути к обретению истины. Миф был интерпретирован как ложь и суеверия.

Обнаружение корней ухода системы идей с общественной арены в самой системе – это было сходным, хотя и не совпадающим в конкретных деталях, у Марселя, который истоки господства духа абстракции возводил к картезианству, и Армстронг.

Но ближе к концу размышлений о фанатизирующемся сознании Марсель предпочитает думать, что отказ от *ratio* у фанатиков оказывается просто пороком, а не реакцией на засилье прагматичного логоса в технизирующемся мире и экстраполяцию принципа полезности и экономии на людей. Так, он пишет о революционерах как об «отбросах общества», о чем уже было упомянуто. Подобная интенция, с нашей точки зрения, наблюдается в таких пассажирах, как, например, тот, где философ говорит о нацистах и коммунистах: «...небольшое число фанатиков, лишенных всяких моральных сдержек и имеющих дело с аморфной человеческой массой, подавленной нуждой и разобщенной внутренними трениями и т.п., в современном мире может — с очень большой вероятностью — с помощью пропаганды и террора оказывать магнетизирующее воздействие на людей» [4. С. 176]. Иными словами, не эпоха изжила себя, а некоторые люди испортились. Такой пафос хоть и понятен, однако его приходится отнести на счет эмоционального опыта аналитика.

А вот замечания Марселя относительно того, что при нацизме происходит узурпация идеологией трансцендентности (меж тем последняя бывает только несотворенной), может быть экстраполировано на любое фанатичное сознание, потому что «человеческую свободу способна поддержать лишь подлинная трансцендентность» [4. С. 176]. Подлинной трансцендентности при фанатизме не бывает, а там, где религии Откровения прибегают к насилию, они предают трансцендентное [4. С. 177].

Заключение

Подлинная жизнь требует свободы. Какой? «Та свобода, которую мы должны защищать *in extremis*², не является прометеевской свободой, это не свобода существа, которое было бы или претендовало бы быть существом, сущим само по себе» [4. С. 180].

Изначально титан Прометей – мошенник и вор. Он приобретает черты благородного человека, пожертвовавшего собой ради людей, принеся им

² В крайнем случае.

огонь, только в эпоху Нового времени. Вот этой богоборческой, жульнической свободы Марсель не хочет для человечества. Фанатизм – это рабство и смерть, ибо есть раболепие и террор, а подлинная жизнь, пишет философ, связана с благодатью Бога живого. Значит ли это, что во имя будущего все должны уверовать в Бога? Такой вопрос философ-католик не ставит. Он лишь указывает на благодать как единственно истинную форму бытия. Благодать у Марселя – это встречное открытое расположение к другому, диспонибельность, это любовь и милость, восходящие, в конце концов, к своему истоку – к Богу, верующий ли их переживает или атеист по убеждениям – в свои лучшие моменты жизни и последний может переживать чувство великого единства с Бытием.

Список литературы

- [1] *Комт-Спонвиль А.* Философский словарь / пер. с фр. Е. В. Головиной. М. : Этерна, 2012.
- [2] *Lynn Th.* Fanaticized Consciousness. 06.04.2018. Режим доступа: <https://medium.com/@Quixotictom/fanaticized-consciousness-ec83397ec918>. (дата обращения: 21.05.2022).
- [3] *Sneller H.W.* Fanaticism, Terrorism, Suicide Terrorism: Some Marcelian Perspectives. Режим доступа: <https://explore.neumann.edu/hubfs/Website-PDFs/Home/Marcel%20Studies/Marcel%202019/4-Sneller-article-2019-issue-Marcel-Studies.pdf?hsLang=en> (дата обращения: 21.05.2022).
- [4] *Марсель Г.* Люди против человеческого. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- [5] *Марсель Г.* Опыт конкретной философии / пер. с фр. В.П. Большакова, В.П. Визгина. М. : Республика, 2004.
- [6] *Марсель Г.* В защиту трагической мудрости // Путь в философию. Антология. М. : ПЕР СЭ; СПб. : Университетская книга, 2001. С. 243—272.
- [7] *Marcel G.* Rome n'est plus dans Rome. Paris: La table ronde, 1960.
- [8] *Марсель Г.* Быть и иметь / пер. с фр. И.Н. Полонской. Новочеркасск : Агентство Сагуна, 1994.
- [9] *Марсель Г.* Поль Рикёр — Габриэль Марсель. Беседы // Марсель Габриэль. Трагическая мудрость философии. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1995. С. 146—187.
- [10] *Армстронг К.* Битва за Бога. История фундаментализма / пер. с англ. М. Десятовой. М. : Альпина нон-фикшн, 2013.
- [11] Антиномизм // Новая Женевская учебная Библия. Режим доступа: <https://bible.by/geneva-bible/0/92/> (дата обращения: 21.11.2021).

References

- [1] *Compte-Sponville A.* *Filosofskij slovar [Philosophical Dictionary]*. Transl. by Golovina EV. Moscow: Eterna; 2012. (in Russian).
- [2] *Lynn Th.* Fanaticized Consciousness. 2018 April 06. Available from: <https://medium.com/@Quixotictom/fanaticized-consciousness-ec83397ec918>
- [3] *Sneller HW.* Fanaticism, Terrorism, Suicide Terrorism: Some Marcelian Perspectives. Available from: <https://explore.neumann.edu/hubfs/Website-PDFs/Home/Marcel%20Studies/Marcel%202019/4-Sneller-article-2019-issue-Marcel-Studies.pdf?hsLang=en>.

- [4] Marsel G. *Lyudi protiv chelovecheskogo [Man Against Mass Society]*. Moscow: Centr gumanitarnykh iniciativ; 2018. (in Russian).
- [5] Marsel G. *Opyt konkretnoj filosofii [The Experience of Concrete Philosophy]*. Transl. by Bol'shakova VP, Vizgina VP. Moscow: Respublika; 2004. (in Russian).
- [6] Marsel G. V zashchitu tragicheskoy mudrosti [In Defense of Tragic Wisdom]. In: *Put' v filosofiyu. Antologiya*. Moscow: PER SE; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga; 2001. P. 243—272. (in Russian).
- [7] Marcel G. *Rome n'est plus dans Rome*. Paris: La table ronde; 1960.
- [8] Marsel G. *Byt' i imet' [Being and Having]*. Transl. by Polonskoj IN. Novocheerkassk: Agentstvo Saguna; 1994. (in Russian).
- [9] Marsel G. Paul Ricœur — Gabriel Marsel. Besedy [Paul Ricœur — Gabriel Marsel. Conversations] In: Marsel' Gabriel'. *Tragicheskaya mudrost' filosofii*. Moscow: Izd-vo gumanitarnoj literatury; 1995. P. 146—187. (in Russian).
- [10] Armstrong K. *Bitva za Boga. Istoriya fundamentalizma [The battle for God. A History of Fundamentalism]*. Transl. by Desyatovoj M. Moscow: Alpina non-fikshn; 2013. (in Russian).
- [11] Antinomianizm [Antinomianism] // *Novaya ZHenevskaya uchebnaya Bibliya [New Geneva Study Bible]*. Available from: <https://bible.by/geneva-bible/0/92/>. (in Russian).

Сведения об авторе:

Гусейнов Фарид Ибрагимович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, доцент кафедры философии, Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия (e-mail: metafizika@mail.ru). ORCID: 0000-0002-2363-3201

About the author:

Guseynov Farid I. — PhD, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia (e-mail: metafizika@mail.ru). ORCID: 0000-0002-2363-3201